

КАК ОБИДЕЛИ ЛУЖУ

После июльской грозы рядом с калиткой у бабушкиного дома появилась лужа. Она сверкала на солнце и отражала синее, словно промытое ливнем, небо. Растущие рядом с забором оранжевые ноготки и белые ромашки стряхивали с листьев и лепестков остатки дождя. От капель поверхность лужи вздрагивала, и отражение солнца от этого дробилось на миллионы ослепительных звёздочек.

Алёнка спустилась по мокрым ступеням крыльца и ахнула от блеска лужи:

— Какая ты красивая! И какая большая — настоящее море!

От таких хороших слов лужа засияла ещё ярче и благодарно плеснула небольшой голубой волной на Алёнкины сапожки.

— Погоди, — сказала Алёнка. — Я схожу в магазин за хлебом, и мы с тобой поиграем в море и кораблики.

Лужа с нетерпением ждала Алёнку и представляла себя прекрасным бескрайним морем... Вот бирюзовые волны с белыми барашками пены на гребнях играют с ветром, а над ними, пронзительно крича, мечутся чайки... корабли с упругими парусами несутся по синей глади... у горизонта море сливается с небом — и не понять, где кончается вода и начинается небосвод... А вода — чиста и прозрачна, и в её зелёной глубине плавают множество разноцветных рыбок — больших и маленьких...

Ах, как это сказочно красиво!

И лужа ещё ярче сверкала на солнце.

...Два кораблика Алёнка сделала из щепочек, а третий ей соорудила бабушка — свернула из тетрадного листка лодочку, вставила в неё тростинку, а на тростинку прикрепила флажок из конфетного фантика.

На одном кораблике стоял бесстрашный капитан — самая маленькая матрёшка из большой матрёшкиной семьи, а на второй

кораблик в качестве капитана был водружён розовый пластмассовый зайчик. Кораблики и бумажная лодочка соревновались в скорости, капитаны сурово смотрели вдаль, умело лавировали в волнах, и, если даже терпели бедствие, Алёнка их спасала, и корабли вновь плыли по синим сверкающим волнам...

И лужа чувствовала себя самым настоящим морем, отчего была безмерно счастлива.

Но в конце концов бабушка позвала Алёнку домой. И лужа осталась одна.

Она долго не могла успокоиться от пережитого счастья и своей значительности, вспоминала Алёнкино восхищение, ласково поглаживала следы Алёнкиных сапожек и покачивала оставленные кораблики.

А потом на улицу вышел соседский мальчик.

Он увидел плавающие в луже щепки, на которых скучали капитаны, подошёл поближе, хихикнул и стал бросать в лужу комья земли, стараясь попасть в щепки и потопить их. Он упрямо швырял пригоршню за пригоршней, отчего вода в луже стала мутной и некрасивой.

Серые брызги летели во все стороны — на забор, на траву, на цветы... Кораблики перевернулись, матрёшка и зайчик плавали вверх животами...

— Фу, какая грязь! — сказал мальчик.

И, довольный, ушёл.

Солнце закатилось за лес, что частой гребёнкой темнел за рекой, и на землю опустились фиолетовые сумерки...

Лужа сникла, съёжилась от горя и обиды. Её мутная поверхность дрожала и больше не отражала ничего.

«Ну какое из меня море? — с горечью думала она. — Что я себе придумала? На самом деле я — просто грязь! А грязь разве может нравиться? Разве захочет кто-нибудь со мной, такой некрасивой, дружить?»

И она чувствовала себя самой несчастной на свете...

Скажите, разве это справедливо?